

ЭЛЕГИЯ ПУШКИНА “БРОЖУ ЛИ Я ВДОЛЬ УЛИЦ ШУМНЫХ...”

В нашей работе мы пытаемся рассмотреть пушкинское стихотворение в контексте европейской литературной традиции, ставя его лирическую ситуацию в зависимость от стихотворения А.Мицкевича “Новый год” (1823). Параллели между польским и русским текстами, которые могут быть прослежены на всех уровнях, позволяют, на наш взгляд, не только указать на еще один источник пушкинского стихотворения, но выявить черты его художественного своеобразия.

В литературе, посвященной творческим контактам Пушкина и Мицкевича, период 1826 — 1830 гг. неоднократно называется временем уникальной заинтересованности Пушкина польской культурой и литературой, временем особенной актуальности польских тем и реминисценций в пушкинской поэзии. В.Ледницки, указавший, что с отъездом Мицкевича из России творческий диалог двух поэтов не прекратился, был склонен видеть черты типологического сходства в их судьбах¹. Так или иначе, бесспорным остается факт наличия в пушкинской библиотеке собрания стихотворений А.Мицкевича с опубликованным в нем стихотворением “Новый год”².

Переходя к анализу двух стихотворений, мы должны будем отметить сходство ситуаций уже на уровне “структуры связей трансцендентных тексту “персонажей”³. Известна роль, которую сыграло приближение Рождества в творческой истории стихотворения Пушкина, перед нами пример скрытого влияния на пространственно-временную структуру произведения присутствия в тексте ситуации наступающего праздника. В свою очередь стихотворение Мицкевича посвящено тому же “подведению итогов” накануне Нового года, что специально подчеркивалось поэтом в черновиках: “Писано в последний день 1823 года”⁴. В данном случае перед нами элемент литературной игры: стихотворение Мицкевича — переложение отрывка из романа Жан-Поля “Зибенкэз”, и польский поэт заимствует не только текстовой фрагмент, но и обрамляющую его сюжетную ситуацию, ставя себя на место одного из героев.

Схема развития лирического сюжета в стихотворениях Пушкина и Мицкевича одна и та же. Так в стихотворении “Брожу ли я вдоль улиц шумных...” содержится одна главная лирическая ситуация — “прогулка уединенного размышления” — и несколько второстепенных: “дружеский пир”, “ласка младенца”, “моление в храме”. Лирический герой движется сквозь эти ситуации пространственно и мысленно; обращаясь к ним как к разным формам бытия, соотносит их с одной постоянной “думой”:

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многоплодный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь своим мечтам (III, 1, 194).

При этом сами ситуации, к которым обращается лирический герой традиционны для пушкинской лирики. И даже весь пространственно интонационный ход первой строфы уже был применен Пушкиным в 1815-м году:

Сижу ли с добрыми друзьями,
Лежу ль в постеле пуховой,
Брожу ль над тихими водами
В дубраве темной и глухой...
(“Моему Аристарху”, I, 153).

Однако конкретные образы и ситуации стихотворения имеют свою историю семантических изменений. Так, например, ситуация “Младенца ль милого ласкаю” в поэзии Пушкина прошла несколько этапов эволюции. Открывает традицию мадригальное решение темы, обыгрывающее возрастную дистанцию между поэтом и адресатом (“К бар. М.А. Дельвиг” 1815, “К Маше” 1815). Ребенок-ангел впервые появляется в контрастном противопоставлении взрослому демону в стихотворении “Дочери Карагеоргия” (1820).

Как часто, возбужд свирепой мести жар,
Он, молча, над твоей невинной колыбелью
Убийства нового обдумывал удар —
И лепет твой внимал, и не был чужд веселью... (II, 148).

Здесь лирический герой еще не включен непосредственно в противопоставление “ангел — демон”; этот, следующий, этап в развитии темы фиксирует стихотворение 1824 года “Младенцу”:

Дитя, не смею над тобой
Произносить благословенья.
Ты взором, мирною душой,
Небесный ангел утешенья (II, 351).

После приведенных строк переход к “Тебе я место уступаю: / Мне время тлеть, тебе цвести” кажется плавным и закономерным.

Образ ребенка и ситуация “взрослый у колыбели младенца” проходят через всю лирику Пушкина, эволюционируют от условного приема, помогающего риторически организовать высказывание, до обобщающего символа. Данное развитие совершается под влиянием контрастного семантического поля житейского опыта, усталости, греховности и смерти, окружающего образ “взрослого” лирического персонажа.

Лирический герой польского стихотворения также обращается к разным сторонам земного бытия, размышляя над тем, чего бы из радостей жизни пожелать себе в наступающем году. Перед мысленным взором героя проходят и им поочередно отвергаются “веселые минуты”, “любовь”, “дружба”. При этом образы стихотворения Мицкевича подчас представляют собой сложную аллгорию иллюстративно-риторического характера⁵.

Различия между стихотворениями Пушкина и Мицкевича наблюдаются не только на уровне словесного воплощения мотивов, но и в той композиционной функции, которую выполняют отдельные образы по отношению к развитию основной темы.

У Мицкевича, как мы уже заметили, композиция задана источником: отрывок из романа Жан-Поля представляет собой письмо героини, причем автор предупреждает, что читатель имеет дело лишь с прозаическим переводом с английского поэтического текста. Жан-Поль имитирует старательный перевод, сохраняющий строфическую структуру и рефрены, облегчая воображению читателя работу по “восстановлению” никогда не существовавшего стихотворного подлинника⁶. И творческая фантазия Мицкевича легко устремляется по предложенному пути: последовательность вступления тем (“Закончился год. Чего пожелать себе в новом году?” — “Радостей...” — “Любви...” — “Дружбы”... — “Успокоения”) повторяет жан-польскую. Чтобы избежать монотонности, Мицкевич каждую следующую тему разрабатывает подробнее предыдущей — на “веселые минуты” отведено 4 стиха, на “любовь” и “дружбу” — 8 и 12 соответственно, в то время как Жан-Поль каждую тему решает в пределах одного абзаца — “строфы”⁷. Однако изменение, внесенное польским поэтом в эту часть текста, остается чисто количественным: так же, как у Жан-Поля, одна аллегория сменяет другую, “пальма Арמיד” — “сорванную розу”. А. Мицкевич достаточно точно передает некоторые стилистические “особенности... прозы Жан-Поля — сочетание чувственности с грандиозностью образов, символику, тяготение к сложной синтаксической конструкции...”. Рассматривая эту цепь аллегорий с точки зрения лирической ситуации, мы видим, что дистанция между объектом речи и лирическим субъектом остается постоянной. Положе-

ние качественно меняется лишь в финале стихотворения, там, где от сплошного массива экспозиции и основной части отбиты два заключительных катрена. Но к финалам Мицкевича, Пушкина и Жан-Поля мы обратимся несколько позже.

Развитие основной лирической ситуации в стихотворении Пушкина композиционно оформлено несколько более сложно. Это развитие сопровождается одновременным непрерывным течением нескольких формально выраженных смысловых процессов, чьи несовпадающие кульминационные моменты и определяют композицию. Во-первых, это чередование конкретных пространственных микроситуаций (ст. 1—24) и медитативных обобщений (ст. 4—8, 10—12, 14—21). Во-вторых, разрабатывая лирический сюжет в рамках жесткой строфической структуры, Пушкин постоянно преодолевает границы строфы смысловым анжамбеманом, основанным на анафоре и синтаксическом параллелизме (“Брожу ли...” — “Гляжу ль...”; “Я предаюсь...” — “Я говорю...” — “Я мыслю...”; “И где...” — “И хоть” — “И пусть...”). Средства преодоления “пробела” между строфами разнообразны: и своеобразная смысловая зевга (“...угадать. — И где..?”), и смысловая рифма (“охладелый прах” — “бесчувственное тело”). Тем большая сила сообщается единственной семантической цезуре между строфами, не имеющими подобных связей, — четвертой и пятой, чьи начальные слова — “День каждый, каждую минуту...” — после паузы звучат особенно значительно и гулко.

Ситуация заключительной части пушкинского стихотворения снова заставляет обратиться к тексту Мицкевича. На этот раз мы имеем дело с инновацией польского поэта, внесенной в исходную ситуативную схему, заданную Жан-Полем, и воспринятой Пушкиным. В немецком источнике желаемое будущее героя описывается как безусловное и полное прекращение земного существования — и полное затем обновление в загробной жизни: “Да, в грядущем, когда душа раскроет крылья в более прекрасном небе, когда новый год настанет в более чистом мире...”. В тексте Жан-Поля не было идеи сохранения связи с этим миром после смерти, характерной для стихотворения Мицкевича:

Do końca, a nawet i po końcu świata,
chciałbym we śnie, z którego nic mię nie obudzi,
Marzyć, jakem przemarzył moje młode lata,
Kochać świat, sprzyjać światu — z daleka od ludzi. — 8

— и Пушкина:

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать (III, 195).

Однако целиком привнесенным Мицкевичем этот мотив также не является. Дело в том, что ситуация существования героя на границе двух миров в романе Жан-Поля присутствует, но не в данном отрывке, а на сюжетном уровне: двое неразлучных друзей, похожих друг на друга, как близнецы, инсценируют смерть одного из них, предварительно обменявшись именами. Этот сюжетный ход мотивирует в романе целый ряд необычных ситуаций, открывает возможность взгляда на события с неожиданной точки зрения, вроде следующей: "Стремление встретить в одиночестве годовщину своей смерти, в августе месяце, когда его постигла судьба виноградной лозы, которой обрывают листья, чтобы солнце сильнее согрело ягоды"⁹. В романе "Зибенкэз" герой, застрявший меж бытием и небытием, часто становится объектом авторской иронии, никогда не становясь вполне alter ego автора. Мицкевич, заимствуя, по его собственным словам, лишь "мысль" из романа, переводит всю ситуацию в область лирической субъективности, сообщая ей непреодолимую серьезность, заменяя случай — переживанием.

Такой подход к тексту Жан-Поля лежит в русле общей традиции обращения с произведениями немецкого писателя: "Жан-Полю подражают, но не так, как обычно подражают писателю. У него заимствуют не темы, не отдельные мотивы, подражая, усваивают общую идейную направленность и эмоциональную настроенность"¹⁰.

Не исключая возможности непосредственного влияния Жан-Поля на творчество Пушкина, хотя бы и в столь общей форме, мы обратились к имевшимся в то время переведенным фрагментам его сочинений и немногочисленным статьям о нем. На основании анализа этих материалов, указанных в цитировавшейся работе М.Л.Троцкой, представляется возможным сказать, что ко времени создания стихотворения "Брожу ли я вдоль улиц шумных..." (1829) вокруг имени немецкого писателя возник некий ореол любителя парадоксов, литературной игры, всерьез занятого, однако, проблемами нравственной философии. Этот ореол мог способствовать остановке внимания Пушкина на стихотворении, имевшем подзаголовок "Мысль Жан-Поля Рихтера", актуализировать в сознании поэта образный строй и лирическую ситуацию польского стихотворения.

"Первоначальная выборочная рецепция остается, очевидно, принадлежностью всяких межлитературных связей. Чем сложнее восприимчивый автор, тем сильнее она дает себя знать"¹¹. Не избежал ее и Жан-Поль, причем тематически круг избираемых для перевода в первой трети XIX века отрывков достаточно узок и характерен, что видно уже из заглавий: "Ельвирино поздравление самой себе с новым годом" (1818), "Ночь перед новым годом" (1920), "Ночь нещастливца под новый год" (1820), "Ночь

несчастливого под новый год (из картин Жан-Поля Рихтера)" (1829). Все эти отрывки не являются переводами письма Натали из "Зибенкэза", но заглавие "Новый год (Мысль Жан-Поля Рихтера)" органично вписывается в приведенный ряд.

Сюжеты переведившихся отрывков составляют все те же размышления героя о прожитой жизни накануне некоего важного ее рубежа, скрепленные символично-аллегорическими снами, пробуждениями, ложными смертями и воскресениями.

О стиле переводов дает представление следующий фрагмент: "В полночь, накануне нового года, шестидесятилетний старец стоял у окна; взором глубокой горести смотрел он на синее море неба, где плавали миллионы миров лучезарных, смотрел на обширную землю, покрытую ярким снегом. На ее поверхности лежала тишина: все покоилось тихим сном, один он не мог заснуть, ибо гроб его стоял не глубоко под ним, и он уже шесть ступеней спустился в могилу, и ничего не принес с собою из всех роскошных лет юности, ничего не принес с собою, кроме заблуждений, болезней и — горести. Тело его разрушалось, душа была пуста, сердце полно пороков и раскаяния, старость — ропота...

Он видел, как над болотами прыгали блудящие огни, и опять погасали в оных. Ах! это мои безрассудные дни, сказал он. — Он видел с неба падающую звезду, видел, как она летя сверкала и потом исчезала. Ах! это я, говорило растерзанное сердце, и зминые зубы раскаяния более и более грызли раскрывшиеся раны его"¹².

Как мы видим, стихотворное переложение Жан-Поля, принятое Мицкевичем, оказалось не только созвучным пушкинским раздумьям, но органично вписалось в русскую традицию "выборочной рецепции" немецкого писателя, так что Жан-Поль Мицкевича вполне соответствовал тому Жан-Полю, которого Пушкин мог знать по отечественным журналам и с этико-эстетическим опытом которого стихотворение "Брожу ли я вдоль улиц шумных..." обнаруживает черты явного типологического родства. О непосредственном же влиянии "Зибенкэза" Жан-Поля на пушкинское стихотворение нет возможности говорить даже в виде гипотезы.

По-видимому, мы можем сделать вывод о том, что ситуация одновременного присутствия героя в двух мирах, существовавшая в романе Жан-Поля на сюжетном уровне и в ироническом освещении была переведена Мицкевичем в стихотворении "Nowy rok" в сферу субъективного переживания лирического "я". Польский текст, таким образом, ввел игровую ситуацию в мир лирики, приблизив ее к сознанию Пушкина-автора стихотворения "Брожу ли я вдоль улиц шумных...", в круг источников которого, учитывая всю совокупность изложенных нами фактов, представляется возможным включить, наряду со стансами Вольтера и "Опытами" Монтеня, и

стихотворение Адама Мицкевича. Непосредственное же значение для пушкинского стихотворения текстов Жан-Поля можно усмотреть в создании необходимого контекстуального мостика, своеобразного рецептивного фона, способствовавшего процессу творческого восприятия.

¹ Lednicki W. Mickiewicz's stay in Russia and his friendship with Pushkin // Adam Mickiewicz in world literature. Berkeley, 1956. P. 37 — 40.

² Poezje Adama Mickiewicza. Wyd. nowe pomnożone. Pb.: Karol Kraay, 1829. T. I. S. 209 — 210 (№ 1166 по указателю Б.Л.Модзалевского).

³ Левин Ю.И. Коммуникативный статус лирического стихотворения // Сб. статей по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1973. С. 105.

⁴ См.: Левкович Я.Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841: История заполнения // Пушкин: Исследования и материалы. Т. XII. Л.,: Наука, 1986. С. 268 — 269.

⁵ Mickiewicz A. Dzieła wszystkie. W-wa, 1971. T. I. Cz. I. S. 320.

⁶ Данилевский Р.Ю. Виданд в русской литературе // От классицизма к романтизму. Л., 1970. С. 308.

⁷ Жан-Поль. Зибенкээ / Пер. А.Л. Кардашинского. Л., 1937. С. 514.

⁸ ...До конца света, а может, и после
Хотел бы в непробудном сне
Грезить, как прогрезил я свою юность,
Любить свет, благоволить к нему — вдали от людей.
(Poezje Adama Mickiewicza... . S. 210).

⁹ Жан-Поль. Указ. соч. С. 525 — 526.

¹⁰ Трощкая М.Л. Жан Поль <Риктер> в России // Западный сборник. М., Л., 1937. Т. I. С. 257. — Здесь же приведена библиография русских переводов и з Жан-Поля и статей о нем.

¹¹ Данилевский Р.Ю. Указ. соч. С. 303.

¹² Вильгельм Тило. Ночь перед Новым Годом (Из Жан-Поля) // Благонамеренный. 1820. Ч. X. № 7. С. 3 — 5.

РОССИЙСКИЙ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1996

№ 8

Отделение литературы и языка Российской академии наук
Институт научной информации по общественным наукам РАН
Международное общество культурных связей с Индией

Издается с 1993 года

К 200 - ЛЕТИЮ РОЖДЕНИЯ А.С.ПУШКИНА Тематический номер

СОДЕРЖАНИЕ

Из пушкиноведческих разысканий

В.И.Кулешов. Духовный путь Пушкина (К пересмотру концепций)	3
А.А.Смирнов. Романтика дружбы в лирике Пушкина	13
М.В.Строганов. О роли предания в исторических сочинениях А.С.Пушкина	23
Д.П.Ивинский. "Медный всадник" Пушкина и "Отрывок" III части "Дядюв" Мицкевича	32
А.Б.Криницын. Пушкин и Жюль Жанен	37
И.С.Кузнецов. Элегия Пушкина "Брожу ли я вдоль улиц шумных..." .	49
Т.К.Батурова. Пушкин и альманах "Уrania"	56
Г.В.Зыкова. "Цыганы" и опера Вебера "Прецюза"	65

К "Евгению Онегину"

Ю.В.Стенник. Традиции Державина в "Евгении Онегине"	68
Н.Л.Дмитриева. Татьяна и Полина (Пушкин и Загоскин)	77
Г.В.Краснов. Соседи в поэтическом мире "Евгения Онегина"	85
В.А.Кошелев. Именник "Евгения Онегина" в функциональном аспекте .	91
Е.Я.Вольская. "Куплет Татьяне"	101
Е.А.Пономарева. О какой "грамматике" речь?	106
Н.И.Михайлова. "И учит азбуке детей"	111
А.В.Наумов. "Евгений Онегин" глазами криминалиста	114